

На стр. 18 говорится: «Суссекс к юго-востоку от Кента». В действительности Суссекс расположен к юго-западу от Кента.

На стр. 34 указывается, что в среднеанглийском периоде «образовался новый ряд местоимений — притяжательные». Это неверно. Притяжательные местоимения существовали в английском языке с древнейших времен.

На стр. 168 ошибочно сказано, что существительное *moon* «луна» в древнеанглийском периоде было женского рода. В действительности существительное *mōna* было мужского рода.

На стр. 205 в таблице форм глаголов V класса неправильно указана форма единственного числа прошедшего времени глагола *etan* «есть»: дано *æt* (с кратким гласным), тогда как этот глагол образует (по аналогии с формой множественного числа) форму единственного числа *ætt* (с долгим гласным).

На стр. 210—211 в таблицах форм глаголов III класса в среднеанглийском языке неправильно приведены формы множественного числа прошедшего времени. Эти формы имели гласный *o*: *holpen*, *mollen*, *swollen*, *corven*, *borken*, *storgen*, а не *u*, как указано в таблице. (Кроме того, форма инфинитива глагола «пухнуть» имела вид *swellen*, а не *swellan*.) На стр. 214 правильно указано, что у глаголов III класса совпали формы множественного числа прошедшего времени и причастия прошедшего времени; однако в таблице приведены формы, не соответствующие этому положению.

На стр. 221 в таблице, иллюстрирующей соотношение древнеанглийских и новоанглийских форм сильных глаголов, приведены неправильные формы глаголов *hlēaran* «бежать» и *weȝran* «плакать» в древнем периоде. Должно быть *hlēor* и *weȝor*, а не *hlēar* и *weȝr*.

Ошибки, неточности и опечатки, подобные указанным, имеются также и в других местах книги (см., например, стр. 29, 31, 39, 61, 94, 124, 135, 137, 175, 182, 186, 250, 255, 265, 267, 291, 299). Их нужно устранить при подготовке к печати второго издания.

В целом же, как было выше отмечено, появление работ А. И. Смирницкого и В. Д. Аракина следует приветствовать как значительное обогащение нашей научной литературы по истории английского языка. Будем надеяться, что выход в свет книг станет стимулом для дальнейшего расширения круга авторов в этой области.

Б. А. Ильин

А. А. Холодович. Очерк грамматики корейского языка. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1954. 320 стр.

Грамматика корейского языка до настоящего времени остается еще сравнительно мало изученной, несмотря на то, что корейское языкознание располагает рядом обстоятельных и ценных трудов в этой области¹. Значительный вклад в корейское языкознание внесли русские и советские корееведы. Широко известны работы по корейскому языку Г. В. Подставина, Е. Д. Поливанова, А. А. Холодовича, О. П. Петровой и других. Многие из этих работ не потеряли своего значения и по сей день. Таковы, например, статьи Е. Д. Поливанова «Гласные корейского языка»², «К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков»³ и другие. В настоящее время грамматика корейского языка является предметом исследования ряда советских языковедов. Однако до выхода в свет книги проф. А. А. Холодовича в советской учебной литературе не было курса грамматики современного корейского языка.

В своей новой книге, являющейся переработанным курсом лекций, А. А. Холодович суммирует обширные наблюдения над грамматическим строем корейского языка.

¹ Достаточно упомянуть следующие работы: Ч у С и Г ё н, Куго мун'поп (Грамматика родного языка), Сеул, 1910; К и м Д у Б о н, Чосон мальбон (Корейская грамматика), Сеул, 1916; е го же, Кипто чосон мальбон (Корейская грамматика, доп. изд.), Шанхай, 1923; Х о н Г и М у н, Чосон мун'поп йонгу (Изучение корейской грамматики), Сеул, 1947; Чосон-о мун'поп (Грамматика корейского языка), Пхеньян, 1949; К и м С у Г ё н, Чосон-о мун'поп (Грамматика корейского языка), ч. 1—2, Пхеньян, 1954; Ц о й Х ё н Б э, Ури мальбон (Наша грамматика), Сеул, 1937; е го же, Чосон мальбон (Корейская грамматика), Сеул, 1948; «Grammaire Coréenne», Yokohama, 1881; J. G a l e, Korean grammatical forms, Seoul, 1894; H. G. U n d e r w o o d, An introduction to the Korean spoken language, 2-d ed., New York, 1914; A. E s k a r d t, Koreanische Konversations-Gramatik, Heidelberg, 1923; G. J. R a m s t e d t, A Korean grammar, Helsinki, 1939; H. F. J. J u n k e r, Koreanische Studien, Berlin, 1955.

² «Восточный сборник», кн. II, Пг., 1916.

³ ИАН СССР, Серия VI, 1927, № 15.

В «Очерке» использованы последние достижения корейского языкознания как в Советском Союзе, так и за рубежом. Естественно, что в такой сравнительно небольшой книге (из 320 страниц более 100 занимают примеры, которые даны в корейской графике, в транскрипции и в переводе) не оказалось возможным дать исчерпывающее описание грамматического строя корейского языка в целом. Явно недостаточно разработаны, например, многие вопросы синтаксиса, а также и некоторые вопросы морфологии. Но автор сам пишет, что он и «не претендует на то, чтобы дать представление о корейском языке во всех подробностях, не касается всех теоретических проблем грамматики корейского языка, его истории» (стр. 3)¹. Он ставил перед собой задачу — дать лишь «очерк по грамматике современного корейского языка», который «излагает только основные факты» (стр. 3). Можно утверждать, что в целом А. А. Холодович выполнил поставленную задачу².

Прежде всего отметим, что в рецензируемой книге читатель имеет возможность познакомиться с некоторыми теоретическими новшествами. Так, например, заслуживает внимания выделение так называемых позиционных и непозиционных категорий³. Такое подразделение грамматических категорий позволяет более четко выявить взаимосвязь явлений морфологии и синтаксиса. Например, позиционные категории глагола связаны с определенной синтаксической функцией глагола в предложении. Непозиционные категории глагола, как отмечает автор, не зависят от его синтаксической функции (стр. 76).

Оригинальным является данное в «Очерке» толкование модальности. Модальность автор называет грамматической категорией, выражающую отношение действия к действительности, различную степень реальности самого действия, независимо от отношения к нему говорящего. Отношение же говорящего к действию (и к высказыванию) выражается, по автору «Очерка», только категорией наклонения. Таким образом, категории наклонения и модальности взаимосвязаны, но не тождественны, подобно тому как взаимосвязаны, но не тождественны друг другу предложения типа *Река кажется очень глубокой* и *Река, кажется, очень глубока* (стр. 104—105).

К числу разделов, представляющих большой теоретический интерес, относится раздел «Структура слова» (стр. 14—41), в котором изложены основные вопросы, касающиеся формообразования и словообразования, и где делается попытка дать новое решение многих важных проблем грамматического учения о слове корейского языка. Следует отметить, что в понимании формы и структуры слова у автора обнаруживаются принципиальные расхождения с корейскими лингвистами.

Богата фактическим материалом и интересными наблюдениями глава «Глагол» (стр. 72—180). Целый ряд новых мыслей и новых положений содержится в параграфе, посвященном структуре глагола. Так, например, некоторые образования, состоящие из двух (или нескольких) глаголов, часто рассматриваются как сложные слова; А. А. Холодович считает их «сочетанием двух слов, из которых одно выполняет служебные функции, являясь средством выражения грамматических значений» (стр. 74—75, ср. также стр. 102). В то же время едва ли можно признать удачным приводимый им пример — глагол *мур-пода*, который, по нашему мнению, свидетельствует о том, что необходимо различать и переходные случаи.

В главе о глаголе находим интересные соображения также о категориях переходности—непереходности и залога. Довольно обстоятельным является описание производных в отношении переходности и непереходности глаголов (стр. 77—90). Автором определены условия присоединения того или иного суффикса при образовании производных глаголов. Совершенно правильно указывает автор на тождество суффиксов переходности и непереходности (стр. 79), что представляет несомненный теоретический интерес. Заслуживает внимания постановка вопроса об абсолютных и относительных временах глагола. Весьма ценными представляются наблюдения над различными формами глагола (причастие, деепричастие, инфинитив). Особенно интересны соображения автора по вопросу о том, «какой характер имеет время причастия» в корейском языке (стр. 135 и сл. до стр. 146). Как и Г. Рамстедт⁴, автор рассматривает формы глагола типа *жаго*, *хани* и т. п. как деепричастия (стр. 148—178). Предварительные замечания автора о суффиксах времени в деепричастных формах окажутся полезными при дальнейшей разработке этого вопроса. Как и авторы «Грамматики корейского язы-

¹ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы рецензируемой книги.

² Ср. положительную оценку книги А. А. Холодовича в статье О. П. Петровой о «Очерке истории изучения корейского языка в России и СССР», в журн. «Чосон ому» («Корейский язык и литература») (Пхеньян, 1956, № 1, стр. 77), а также в рецензии А. Экардта в журн. «Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internationalen Wissenschaft» (Jg. 77, Heft 2, 1956, стр. 91—95).

³ В применении к русскому языку аналогичную мысль о категориях, влияющих и не влияющих на функцию слова в предложении, высказал В. Мигрин. См. его статью «К вопросу об определении категории падежа» («Р. яз. в шк.», 1953, № 5).

⁴ См. G. J. Ramstedt, указ. соч., стр. 87—104.

ка» (Пхеньян, 1949), А. А. Холодович относит формы глагола типа *хам, хаги, хажи* к неопределенным формам глагола, называя их инфинитивами (стр. 178—180).

Ряд интересных и верных мыслей высказывает А. А. Холодович по поводу связок и связочных глаголов в корейском языке (стр. 246). Он исходит из того, что в этом языке имеются две отвлеченные связки — *ида* «быть» и *анида* «не быть», и совершенно правильно, на наш взгляд, не соглашается с мнением тех корейских лингвистов (Ким Су Гён и др.), которые считают, что имя существительное в корейском языке спрягается (т. е. может иметь формы времени, наклонения и т. д.)¹.

Особенный интерес в корейском языке представляет категория прилагательного. Предикативное прилагательное и глагол здесь сближаются по целому ряду морфологических и синтаксических признаков настолько, что Г. Рамстедт, например, считал корейские прилагательные качественными глаголами². Рецензируемый очерк, однако, в отношении прилагательного ограничивается слишком краткими сведениями фрагментарного характера.

В разделе «Имя существительное» автор, правильно, на наш взгляд, осуждая семантическое понимание категории падежа, сам, однако, еще окончательно не отказался от этого понимания, о чем свидетельствует, например, признание им морфемы *не* наряду с морфемой *ый* окончанием родительного падежа (стр. 54, 59).

Совершенно правильным в «Очерке» является выделение такой части речи в корейском языке, как послелог (стр. 206), от признания которого особой частью речи корейские грамматисты все еще воздерживаются. А. А. Холодович считает, однако, что послелог может быть употреблен *абсолютно*, т. е. без предшествующего ему имени или местоимения, и что «от этого он не перестает быть послелогом» (стр. 207). Нам представляется, что в этом случае правильнее было бы говорить о конверсии одной части речи в другую. Фактически именно этой точки зрения придерживается и сам автор «Очерка» в отношении послелогов *сок* (см. стр. 212) и *пак* (см. стр. 21).

Надо особо отметить, что в книге А. А. Холодовича материал весьма четко систематизирован. Язык книги прост и доступен широкому читателю, формулировки в большинстве своем точны и ясны. Значительно облегчает работу с книгой «Указатель морфем и служебных слов» (стр. 312—314). Работа А. А. Холодовича — и в этом, пожалуй, одно из ее основных достоинств — заставляет задумываться над многими явлениями грамматического строя корейского языка, тем самым способствуя борьбе мнений, которая необходима для развития науки.

Подчеркивая общее благоприятное впечатление от книги, нельзя не коснуться некоторых недостатков и погрешностей, имеющих в «Очерке». Книга состоит из трех очень неравных по объему разделов: «Фонетика» занимает 8 с половиной страниц (сюда включены, кроме того, еще и «Фонетика северных диалектов», «Графика и орфография»), «Морфология» — 216 страниц, «Синтаксис» — 82 страницы. Раздел фонетики в «Очерке» чрезвычайно скуден и оставляет ряд сомнений в определении фонемного состава корейского языка (например, в «Очерке» неоднократно упоминаются сонанты *э* и *й*, которые не числятся среди согласных фонем и их вариантов; среди «дифтонгоидов» нет дифтонга, обозначаемого в корейском алфавите знаком *т-э* и т. д.); автор совершенно не касается здесь таких проблем корейского вокализма, как длительность гласных³ и связь ее с высотой тона, вопрос о наличии долгих гласных фонем. Не затрагивается, к сожалению, и вопрос о характере ударения в корейском языке. Интересно отметить, что в рецензируемом «Очерке» А. А. Холодович отказался от высказанного им в свое время мнения о фонематичности палатализованных согласных в корейском языке⁴ (решение вопроса о фонематичности палатализованных и лабиализованных согласных тесно связано с решением вопроса о дифтонгах). Основанием для этого, как указывает автор (стр. 3), явились выводы из экспериментальной работы, проделанной им совместно с Л. Р. Зиндером⁵.

Особенности северокорейских диалектов определены, на наш взгляд, слишком общо и не совсем правильно. В частности, все северокорейские диалекты, отличающиеся друг от друга, нельзя определять одинаково как «шокающие», «т-диалекты», «цокающие», «р-диалекты», «нь-диалекты» (стр. 9—10)⁶.

¹ См., например, Ким Су Гён, О некоторых основных вопросах морфологии корейского языка, журн. «Чосон ому», 1956, № 1, стр. 59—66.

² См. G. J. Ramstedt, указ. соч., стр. 60—61.

³ Во вновь изданном «Малом словаре корейского языка» («Чосон-о со-сачжон», Пхеньян, 1956 [тит. л.: 1955]), насчитывающем около 42 тысяч слов, обозначена долгота гласных.

⁴ См. А. А. Холодович, О латинизации корейского письма, сб. «Сов. языковедение», т. I, Л., 1935; его же, Строй корейского языка, Л., 1938, стр. 9.

⁵ См. также Л. Р. Зиндер, Гласные корейского языка, «Сов. востоковедение», 1956, № 3.

⁶ См., например, характеристику северо-западного диалекта в работе Хан Ён Су на «Фонетические особенности диалекта области Ыйчжу-Пхихён провинции Северная Пхёнандо» (журн. «Чосон ому», 1956, № 4, 5).

Несоразмерными оказались и отдельные части разделов «Морфология» и «Синтаксис». В разделе «Морфология» имени существительному уделяется 22 страницы, прилагательному — 9 страниц, а глаголу — 108 страниц (больше, чем вся третья часть «Очерка»).

Другим недостатком книги, на наш взгляд, является то, что автор не разграничивает четко явлений морфологии и синтаксиса. В «Морфологии» даются иногда подробности чисто синтаксического характера (см., например, стр. 56, § 20 «Основные значения падежей»), в «Синтаксисе» же, наоборот, имеются большие пробелы. Совершенно не разработан, например, такой важный раздел, как «Придаточные со сказуемым в форме дееспричастия», где автор ограничился ссылкой на исчерпывающий материал «Морфологии» (стр. 299).

Несколько замечаний о теоретических построениях автора, касающихся корейского слова. Прежде всего мы не можем согласиться с отождествлением понятий формы слова и формального признака грамматического значения [например, классифицируя окончания, автор пишет: «Именными окончаниями являются падежи» (стр. 29). Далее: «совместный падеж необязателен, он может пропускаться» (стр. 63); «Причастие — это позиционная категория, выраженная окончанием. Из этого следует, что все позиционные категории (залог, наклонение и т. д.), выражаемые суффиксами, предшествуют причастию» (стр. 135)]. Такое понимание формы слова в «Очерке» объясняется влиянием традиционной для корейского языкознания точки зрения, согласно которой почти все показатели грамматических категорий рассматривались (а большинство из них и сейчас еще продолжает рассматриваться) как служебные слова.

Большое принципиальное значение имеет вопрос о форме словосочетания в агглютинирующих языках, каким является корейский. В «Очерке» есть лишь весьма отдаленный намек на постановку этого вопроса (в связи с морфемой *ке* и образованием так называемых «паречисобразных словосочетаний»; см. стр. 195—196, а также примеч. 2 на стр. 67). Незаработанность вопросов формы словосочетания обуславливает возможность различного их толкования. Так, например, автор утверждает, что «падежное окончание предшествует послелогу» (стр. 53). Нам же кажется: если падежное окончание является элементом формы слова, то оно предшествует послелогу, а в том случае, когда оно является элементом формы словосочетания, оно может следовать за послелогом. Еще один пример. Автор выделяет так называемый «дательно-винительный падеж одушевленных имен» и приводит пример, в котором, как мы считаем, окончание винительного падежа относится к словосочетанию и не может рассматриваться как элемент формы слова *чжунгу* (стр. 65). Словосочетанию, так же как и слову, присуща способность формоизменения. Как известно, ряд морфем при этом проявляет своеобразную «самостоятельность», расширяющую сферу их употребления и приближающую их по функции к служебному слову. В связи с этим представляется важным разграничение различных окончаний (например, окончаний «падежей второй серии» и др.), которые сейчас недифференцированно относятся к формам слова.

С проблемой формы слова связан и вопрос о «корневом комплексе». Под термином «корневой комплекс» в «Очерке» объединяются все сложные слова — и корнесложные и основосложные (в том числе такие, в составе которых, кроме корней, есть и аффиксы). Понятие корневого комплекса так широко, что оно включает в себя и словосочетания (по терминологии автора «Очерка», «многочленные комплексы» — 2+2, например: *кукка-кигван* «государственный аппарат», стр. 39). Таким образом, исчезают границы, с одной стороны, между морфемой и словом (и не только простым, но и сложным), а с другой — между словом и словосочетанием.

На наш взгляд, не является удачной принятая в «Очерке» классификация предложений по составу. Автор предлагает различать односоставные (стр. 241) и одночленные (стр. 269) предложения, понимая под односоставными и те предложения, в которых есть и подлежащее и сказуемое. Односоставным такое предложение считается потому, что в нем высказывается неизвестное и нет другого состава, в котором высказывалось бы известное. В двусоставном же предложении (по мнению автора) одна часть высказывает известное, другая — неизвестное. Думается, что при таком подходе грамматический анализ предложения приносится в жертву анализу логическому.

Что касается классификации придаточных предложений, то, пожалуй, было бы рациональнее подразделить их сначала по значению и в каждом из выделенных видов провести более дробную классификацию по форме, по способу подчинения придаточного предложения главному. В рецензируемой же работе предложения, имеющие одно и то же значение, но подчиняемые главному различными средствами, оказываются в разных местах. Так, «предложению-подлежащему», например, посвящены три параграфа (§§ 127, 129, 139) и т. д.

Оригинальным, но все-таки спорным является выделение «дополнений особого рода». Во всяком случае этой новой точкой зрения не опровергается существовавшее ранее мнение, согласно которому предложения типа *На-нын хорань-га мусонт* «Я тигр страшен» (т. е. «Что касается меня, то тигр страшен» — «Я боюсь тигров») считаются сложными с придаточным-сказуемым. Недостаточно ограничиться заявлением о том, что эти предложения «просты потому, что имеют только одно, а не два сказуемых, и,

следовательно, не способны распадаться на главное и придаточное предложения» (стр. 254). Известно, что придаточное-сказуемое как раз и замещает отсутствующее сказуемое главного предложения. В этой связи трудно согласиться и с решением вопроса о придаточном сказуемом в корейском языке. Автор берет лишь один частный случай и делает общий вывод: «Предложение-сказуемое имеет в корейском языке причинное значение» (стр. 298). Это, по нашему мнению, неверно. Не всякое придаточное предложение сказуемое имеет причинное значение.

Много в «Очерке» положений, которые автором недостаточно обоснованы. Таково, например, выделение сравнительного и некоторых других падежей (стр. 54—55), так называемых «классов существительных» и «предметных числительных» (стр. 49), трактовка аналитической формы (стр. 179 и др.), так называемых очного и заочного наклонений (стр. 125—129), решение вопроса о придаточных предложениях в корейском языке (стр. 272 и др.), о лексико-грамматической принадлежности слов *итта* «быть, иметься» и *этта* «не быть, не иметься» (стр. 187, 189) и т. д. Весьма досадно, что для иллюстрации того или иного теоретического положения автор дает иногда лишь один пример и то без ссылки на источник (см., например, стр. 98, где «будущее время относительное» автор иллюстрирует единственным и притом не вполне достоверным примером).

Следует отметить, что в «Очерке» имеются некоторые неточности и ошибки. Например, формы *сэткара*, *анчжэткара* и др. не имеют отношения к прошедшему времени (стр. 97 и 133), а восходят к формам *сэ-иткэра*, *анчжа-иткэра* и др. На стр. 180 автор отмечает, что «второй инфинитив почти никогда не субстантивизируется». На самом деле в современном корейском языке (если согласиться с точкой зрения А. А. Холодовича по вопросу о субстантивации) это один из очень продуктивных способов словообразования. Устарело положение о том, что «корейцы пишут сверху вниз и справа налево» (стр. 11). В большинстве печатных (газеты, журналы, учебники и т. д.) и рукописных текстов принцип записи теперь, как известно, иной — в горизонтальную строку слева направо.

Имеются в «Очерке» ошибочные и неудачные переводы. Например, на стр. 281 и 297 переведено: «Писать слева направо удобнее, чем сверху вниз», а следует перевести: «Читать написанное слева направо удобнее, чем написанное сверху вниз». См. также стр. 60, 65, 282, 305.

Как нам кажется, существенным упущением данной книги (тем более, что это учебное пособие) является отсутствие библиографии и ссылок в тексте. Автор тем самым не помогает читателю расширить свой кругозор в области корейского языкознания.

Неоправданным представляется порядок изложения в первых разделах «Синтаксиса», где последовательность расположения материала определяется тем, насколько то или иное явление, как говорит автор, «легко поддается объяснению» (см. стр. 236 и далее).

Несколько замечаний по терминологии. Неудачны, по нашему мнению, термины «суффикс-слово» (стр. 26), «подвижной суффикс словоизменения» (стр. 28), «база» (стр. 39), а также выражения «синтаксические потенции» (стр. 199) и «творительный с бывшим послелогом» (стр. 178). Нежелательный для учебного пособия разнород в терминологии и формулировках является следствием колебаний автора в решении ряда вопросов. «Сонант *о*» (стр. 19), кроме того, называется «неслогообразующим кратким *у*» (стр. 11). «Дифтонгоиды» называются еще «йотированными гласными» (стр. 7). Ср. также: «совместный падеж» (стр. 55), он же «соединительный падеж» (стр. 252); «повелительное и пригласительное наклонения» (стр. 165), но «повелительно-пригласительное наклонение» (стр. 132, 188 и др.). На стр. 201, 217 морфема *сэ* названа падежным окончанием, но в разделе склонения она не отнесена к какому-либо определенному падежу и т. п.

Досадно, что в книге допущено большое количество орфографических ошибок и отклонений от общепринятых норм корейской орфографии, а также ошибок и погрешностей в транскрипции.

*

В заключение следует сказать, что наличие в «Очерке» отмеченных выше недостатков и спорных положений вполне естественно и объяснимо, так как рецензируемая книга является одной из первых попыток систематического описания корейской грамматики на русском языке. Следует подчеркнуть, что наличие этих погрешностей ни в коей мере не снижает ценности этого полезного и интересного труда.

«Очерк грамматики корейского языка» А. А. Холодовича представляет несомненный интерес не только для исследователей корейского языка, но и для исследователей языков алтайской группы в силу предполагаемого родства корейского языка с тунгусо-маньчжурской группой языков.

Ю. Н. Мазур